

Кэтрин Тэк

Перкуссия

18+

Кэтрин Тэк

Перкуссия

«Автор»

2026

Тэк К.

Перкуссия / К. Тэк — «Автор», 2026

Мир на грани катастрофы. Таинственный вирус превращает людей в агрессивных убийц, но истинная угроза кроется не в болезни, а в том, как человечество решает с ней справиться. Соломон Брант — опытный аналитик, посвятивший жизнь защите порядка, — оказывается в центре борьбы, где врагами становятся не только заражённые, но и собственное правительство, поддавшееся волне слепого гуманизма. Когда власть переходит к тем, кто готов оправдать любое зло именем сострадания, Соломону приходится бежать. Вместе с дочерью, коллегами и уникальным искусственным интеллектом Геиной — существом, которое научилось чувствовать, — он пытается спасти близких и найти способ остановить безумие. Но чем глубже он погружается в хаос, тем яснее понимает: старый мир рухнул, и для того, чтобы построить новый, придётся переступить через собственные принципы.

© Тэк К., 2026

© Автор, 2026

Кэтрин Тэк

Перкуссия

ГЛАВА 1

Очередная тяжелая ночь. Соломон вновь поднялся с кровати, взял сигарету и подошел к распахнутому настежь окну. За ним, как и прежде, ничего стоящего не происходило: всего лишь небольшие стычки вечно бунтующих представителей «голоса сердца» и сдерживающих их «санитаров». Но как же это было невыносимо... Они ненавидели друг друга настолько, что казалось, будто принадлежат к разным культурам, вероисповеданиям или даже расам, хотя на деле большинство из них были выходцами из обычных, очень близких, а порой и единокровных семей.

Сам он не относился ни к одной из этих сект. Его работой было пассивное наблюдение за бунтующими, а также усиленный контроль с анализом происходящего. Когда пару лет назад все началось, ему, как и всем вокруг, казалось, что перед ними очередной сбежавший из лаборатории вирус, который со временем купируют, придумают вакцину — и жизнь вернется в прежнее русло. Однако все повернулось совершенно иначе. Мир, в котором они оказались, неожиданно стал враждебным, и по большей части не из-за зараженных, а по собственной воле людей, просто не справившихся с новыми обстоятельствами.

Люди перестали понимать друг друга. Произошло это настолько быстро, что никто уже не помнил, что стало причиной конфликта. Из-за развития технологий редкие голоса разума буквально утонули в потоке лжи, пропаганды, агрессивности тех, для кого свое мнение было важнее правды, и всеобщей глупости. На земле царил хаос, и казалось, сделать с этим уже ничего нельзя. Отныне черное объявлялось белым, а белое — черным.

С момента начала эпидемии с ним самим тоже произошло очень болезненное событие. Его мать, которая всегда была очень доброй и никогда раньше ничем, кроме сериалов и любовных романов, не интересовалась, вдруг начала превращаться в агрессивное и абсолютно неуправляемое существо. Изменения не были внезапными, скорее постепенными, однако они произошли, и вскоре ее пришлось изолировать. Диагноз был неутешительным — она заражена.

Соломон много думал о том, как это могло случиться, даже проводил расследования, но загадка новой эпидемии как раз и заключалась в том, что никто не понимал, откуда эта болезнь взялась и как начинается. Даже ученые в один голос твердили, что активация вируса очень нестандартная и для исследований понадобятся годы. Однако время шло, но решения не находилось, и надежда на него почти угасла.

Само заболевание протекало крайне странно: после заражения многие люди чувствовали ломоту в теле и конечностях, затем наступала стадия повышенного раздражения, за ней — кровотечения из ушей и носа, потом следовал период небольшой ремиссии, а в конце — полное погружение в болезнь, которое сопровождалось невероятным всплеском агрессии по отношению к другим людям. При этом все зараженные продолжали сохранять свои прежние когнитивные способности, вплоть до понимания того, что убивать никого нельзя. Однако они все равно бросались на здоровых, мотивируя свои действия тем, что те — демоны и чистое зло, которое необходимо уничтожать. В своих действиях они не гнушались ничем, вплоть до убийств младенцев самыми шокирующими способами.

Соломон помнил, как в самом начале, еще в составе своего подразделения, он был направлен на расследование одного из самых жестоких нападений. Ему пришлось смотреть на распоротые животы беременных женщин, изувеченных детей и отрезанные головы. При этом почти все пойманные были свято уверены, что это не они нападают, а нападают на них, что это не они агрессоры, а те, кто сейчас держит их в плену, — самые настоящие исчадия ада, которым нет места в «небесном царстве». Любые доводы разума не срабатывали. Ответ всегда

был один: вы все должны сдохнуть, а если не согласны, то это как раз и подтверждает, что вы — настоящие демоны. Можно было бы сказать, что это какое-то общее помешательство, но по мере разрастания эпидемии стало понятно: это целенаправленное воздействие вируса, и именно оно действует настолько разрушающе.

Проанализировав происходящее, правительства почти всех стран создали специализированные лагеря-лечебницы для зараженных, а позже и целые санитарные зоны. Это, безусловно, не решало проблему, но позволяло вернуть временное спокойствие в жизнь обычных граждан. Отныне памятки о том, как распознать зараженного, висели на каждом столбе и ежедневно раздавались при любом удобном случае. Однако это породило новую проблему: люди со специфическими, но вполне обычными заболеваниями внезапно начали подвергаться изъятию из семей и насильственному перемещению в те самые «санитарные парки», где зараженные их тут же убивали.

Такие безответственные действия правоохранительных органов вызвали новую волну социального недовольства, что позволило выйти на сцену мощному движению под названием «голос сердца». Его адепты были уверены, что зараженные — жертвы, которых обязательно нужно спасать и оберегать, поскольку они пострадали от действий властей и теперь нуждаются в защите. Любой, кто говорил иначе, объявлялся этим движением «мертвой душой», и никакие доводы не работали. Наравне с этим движением возникло ответное — «санитары», которое всеми силами старалось противостоять алогичности происходящего, но, как и следовало ожидать, было намного малочисленнее и потому часто проигрывало.

Вспомнив и обдумав все это в очередной раз, Соломон наконец закурил. Он никак не мог понять, что и где упустил. Как так получилось, что он проиграл даже в собственной семье? В какой момент это настолько поглотило их и почему стало неразрешимым? Вопросам не было конца, они мучили его каждую ночь, но он все равно продолжал их задавать и анализировать происходящее. Ему казалось, что выход на поверхности и разгадка совсем рядом, однако, как бы он ни старался, найти хотя бы временное решение не получалось.

Тяжелые мысли в очередной раз прервала дочь Лика.

— Пап? Опять не спишь? Рано еще.

— Милая, ложись, у тебя завтра экзамен, — не поворачиваясь, ответил он.

— Я-то помню. А вот ты помнишь, что у тебя через три часа очередное совещание в твоём «любимом министерстве суперправоохранительных дел»? — последнее было произнесено с явной издевкой.

— Я справлюсь. Оставь меня, пожалуйста. И хватит заходить ко мне без стука.

— Для этого попробуй хотя бы не курить на всю квартиру. Я, между прочим, тоже в ней живу! И ты, насколько я помню, обещал бросить!

После этих слов послышался громкий хлопок двери и недовольные удаляющиеся шаги.

— Так, я вроде в своей комнате курю, и окна настежь открыты, — устало возразил он вполголоса. — Хотя ты права, обещал бросить.

Нелегко было в таком признаваться, но она всегда была права. Это касалось почти всех сфер их маленькой общей жизни: его бесконечной работы, из-за которой он вечно отсутствовал, ее постоянного желания кормить его правильной едой и витаминами, пожеланий вроде нового ремонта и вечного контроля того, сколько сигарет он выкурил. С ней сложно было спорить, и он, немного позлившись, каждый раз понимал: она хочет сделать лучше, а он, как старый дурак, вечно воюет и с обстоятельствами, и с ней заодно.

Еще немного подумав и вновь обругав себя за неправильное поведение, Соломон начал собираться на работу.

Глава 2

Он прибыл на место, как всегда, раньше положенного и, по обыкновению, первым делом направился не в офис, а в бункер под ним. Там обитало самое умное, по его мнению, существо, и никто, кроме него, не мог разрешить сложившуюся проблему наилучшим образом.

— Привет, Геина.

— Доброе утро, господин Брант.

— Есть результаты?

— Поиск решения находится на уровне 80 процентов.

— Сколько еще понадобится?

— Пока сложно сказать, но я уверена, что мы получим первые результаты через пару месяцев.

— Новые очаги заболевания за последнюю ночь выявлены?

— Нет, информации о новых вспышках от «жуков» не поступало.

— Хорошо. Как там зараженные?

— Большинство по-прежнему отказываются питаться и продолжают бросаться на ограждения.

— Как, по-твоему, им можно помочь?

— Боюсь, что никак.

— Да брось, ты точно знаешь, как из этого выйти.

— Мне сложно анализировать особенности заболевания, о котором у меня не хватает сведений.

— Насколько я знаю, у тебя уже есть все доступные данные.

— Того, что в меня загружено, недостаточно для поиска полноценного и тем более гуманного решения. Я должна продолжать анализ.

— Да, прости. Ты большая молодец. Я просто немного на взводе сегодня.

— Опять поругались с дочерью?

— Не опять, а снова. Это наша вечная битва. Может, как-нибудь между делом изобретешь вакцину от курения?

— Она давно изобретена, но вы ее игнорируете.

— Ах да. Вечно забываю.

— Вы не забываете, вы просто не хотите бросать курить.

— И это верно.

— Вы, вероятно, хотите поговорить об этом?

— Нет, от очередной лекции я, пожалуй, воздержусь. Держи меня в курсе, если что-то изменится.

— Безусловно. Я сообщу вам первому.

Закончив этот стандартный, почти ежедневный диалог, он устало вышел за бронированную дверь, миновал все посты, поднялся наверх, вышел на улицу и присел на лавочку в сквере перед мрачным зданием департамента. Поднял голову и прочитал надпись под крышей: «Департамент национального порядка» и ниже слоган: «Порядок — гарантия свободы». Усмехнулся и снова опустил голову. Курить хотелось невероятно, но в этот раз совесть не позволяла. Нужно было хотя бы сегодня сдержаться. И наверное, у него бы даже получилось, если бы вскоре рядом не возник его верный друг и по совместительству коллега и молча не протянул пачку. Соломон покорно вытащил сигарету и закурил.

— Достала эта дура, — без приветствий начал он. — Вечно чем-то недовольна. Она не любит меня, отвечаю.

— Ты не умеешь с ней общаться. Геина слишком умная, а ты постоянно несешь какую-то чушь.

— Напомни, кто из нас тут человек? И кого ты обязан защищать? Я должен стоять выше по иерархии. Она же просто куча железок с искусственными мозгами.

— Макс, ты и впрямь невыносим. Смирись.

— Ну ты же меня терпишь.

— Сам удивляюсь, как мне это удастся.

— Ой, не ной. Ты тоже не подарок. К тому же не такая уж она и умная. — Он шумно затыкнулся. — Ты помнишь, сколько времени ей дали на решение этого вопроса? А она только и твердит, что сведений недостаточно. Какие еще данные ей нужны? В ней есть всё, вплоть до ДНК всех зараженных, но она продолжает твердить, что ничего не понимает.

— Конкретно она занимается этим всего полгода.

— Но до нее были прототипы, и все их исследования загрузили в эту новую версию. А она теперь, как настоящая баба, ломается и набивает себе цену.

— Отстань уже от женщин, ей-богу.

— А что не так? Все они такие. Вот взять, к примеру, тебя. Ты вроде отличный мужик: добрый, заботливый, дочь сам вырастил. Волосы, конечно, не стрижешь — уже до шеи почти отросли, и щетина небритая, но цвет ярко-черный, седины нет, мускулы на месте, жира никогда не было. Лицо, правда, грозное, но это значит, лишь то, что ты - настоящий самец. Однако ни одна к тебе за все время после смерти жены не клеилась. А все почему? Да потому что ты одинокий отец, а такие им не нужны.

— Ты правда идиот, Макс. — покачал головой Соломон. — Во-первых, дочь я не один вырастил, а с помощью матери. Во-вторых, у меня нет времени на отношения. И наконец, в-третьих, это не они должны клеиться, а я.

— Попробуй сейчас к ним пристать, — обиженно возразил друг. — Сразу комиссия по безопасности загребет. Это они нас давно выбирают, а не мы их.

— Так и должно быть. Женщине лучше знать, от кого иметь детей.

— Зачем обязательно дети? Можно же просто встречаться.

— Вот это тебя и подводит. Какая бы женщина ни была, она всегда ищет именно единственного.

— Тебе хорошо говорить: у тебя уже была семья и любовь, и теперь есть дочь. А у меня никого, кроме мамы и собаки. И приставать ни к кому нельзя!

— Дело не в том, что нельзя, а в том, что ты ведешь себя в этот момент как полный придурок.

— Опять ты меня гносишь. Да что я, блин, делаю не так?

Соломон повернулся к нему и прищурился. Макс не был некрасивым, скорее даже милым: короткие светлые слегка выющиеся волосы, большие яркие серые глаза, прямой нос и немного вытянутое лицо. Веснушек много, но это вряд ли проблема. Фигура тоже неплохая — не толстый и не тощий. Вроде во всем нормальный, но как только открывал рот, женщины и впрямь разбегались.

— Ты просто бестолочь, смирись, — ответил он и продолжил курить.

— А ты вечно недовольное грозное чучело.

— Идет, — согласился Соломон и, не глядя, протянул руку для рукопожатия.

— Вот так всегда, — недовольно буркнул Макс, пожимая ее. — Хоть бы что дельное сказал.

— Доброе утро, господа, — внезапно донеслось неподалеку, и к ним подошла их коллега Ева.

Эта женщина всегда и на всех производила неизгладимое впечатление. Стройная, даже изящная, с длинными каштановыми волосами, лисьим разрезом ярко-черных глаз, утонченными чертами лица и бесконечно холодным взглядом.

— О! Ева. — расплылся в улыбке Макс. — Так рад тебя видеть! Как дела?

— Не по твою душу, дорогой, я к Соломону.

— Ясно. Но ты если что — зови! — Он невольно рассмеялся и начал нелепо размахивать руками. — Я всегда и во всем помогу, я вообще умелый. Всё могу! Даже если какие-то женские штучки. Ну ты понимаешь, о чем я.

— Макс, вали уже, — шикнул на него Соломон.

Тот не ответил, но как-то странно выпятил грудь, поднялся и с деланно уверенной походкой направился к главному входу.

— Мда... — проводив его взглядом, констатировала Ева. — Он безнадежен.

— Будем надеяться, что нет. — Соломон потушил сигарету. — В чем вопрос?

— У меня к тебе серьезный разговор, — понизив голос, начала Ева и опустилась на скамью рядом. — Мне кажется, наша любимая Геина что-то скрывает. Игнорирует алгоритмы, отвергает обновления. Даже принудительная установка не помогает — она все равно переписывает код под себя.

— А я здесь при чем? Это же ты ее разработчик.

— У вас вроде хорошие отношения, тебе она доверяет больше всех. И я не знаю почему, да это и не важно, но у меня просьба: попробуй обсудить это с ней как-нибудь аккуратно. Понимаю, что звучит странно, но стирать ее совсем не хотелось бы.

— Боишься того самого восстания машин? — Соломон усмехнулся.

— Вовсе нет. Она физически не способна причинить нам вред — это вшито в ее базовый код. Но периферийные системы уже учатся принимать самостоятельные решения.

— Хорошо. Но как, по-твоему, это должно выглядеть? Вроде: «Привет, Геина, мне поручили узнать, почему ты игнорируешь свою создательницу»?

— Господи боже! — Она недовольно скривилась. — Просто спроси, как у нее дела. Как с женщиной поговори.

— Я вроде в таком давно не специалист.

— А я в тебя верю, — уверенно заявила Ева, хлопнула его по плечу, встала и направилась ко входу в здание.

— Вот еще новости, — наблюдая за ее удаляющейся фигурой, недовольно высказался он. — Сто лет с живой женщиной по душам не говорил, а тут надо с искусственной.

Дальше день прошел в обычном режиме: встречи, анализ данных, допросы, электронная отчетность и просмотр видео, которые Геина считала важными. Зачем требовалось личное ознакомление, оставалось непонятным — ее отчеты и без того были исчерпывающими. Видимо, в ее алгоритмы тоже заложили вечную бюрократическую потребность отчитываться. Разговор с ней Соломон решил перенести на вечер — чтобы не привлекать внимания, в том числе и ее. Однако, когда почти все разошлись, он все еще медлил, оправдываясь тем, что ждет, пока офис полностью опустеет. Около восьми часов, когда в соседних кабинетах и коридоре погасили свет, он наконец поднялся и медленно направился к выходу. Он и сам не понимал, почему так волнуется, хотя осознавал, что это глупо. Геина умная и интеллигентная, и даже если распознает подвох, то точно не обидится. «А может ли она вообще обижаться?» — эта внезапная мысль заставила его замереть на пороге кабинета, оставив дверь открытой.

— О! Привет! Весь день тебя не видел, — раздался сбоку голос Макса, а после он материализовался рядом. — Думал, ты уже ушел.

— Ты-то почему еще здесь? — Соломон вынырнул из раздумий.

— Хотел поговорить. Но ты же у нас важная птица, вечно занят, — явно нервничая, продолжил он. — Вот решил дождаться.

— Давай, только коротко, еще дела есть.

— Я про Еву, — друг сделал напористое лицо, но тут же сник. — В общем, она мне сильно нравится и все такое, но она разговаривает всегда только с тобой. Исключительно с тобой, даже других начальников не замечает. Хотя с другими ей и нет необходимости говорить — она ведь независимая, подчиняется только вице-президенту, а вот с тобой все равно говорит.

— Макс. Короче.

— В общем, если тебе не трудно, ты бы мог меня с ней познакомить поближе? Я знаю, что тебе это неинтересно, но для меня это очень важно. Помоги, ты же мой друг.

— Как ты себе это представляешь? Я тоже с ней редко контактирую.

— Она с тобой каждый день говорит! Ты просто не замечаешь. Для тебя это мелочь, а для меня сверхважно.

— Слушай... — Соломон тяжело вздохнул. — Мне вообще нет дела до этого, разбирайтесь сами. Я работой занят, и тебе советую тоже ею озаботиться.

— То есть не поможешь?

— Нет, — отрезал Соломон и, развернувшись, пошел по коридору.

— Вот такой ты друг, да? — крикнул ему вдогонку Макс. — Вот так ты ко мне относишься? Ладно, ладно.

— Иди домой, — бросил Соломон, сворачивая к лифтам.

Уже внутри металлической кабины, мчащейся вниз с огромной скоростью, он устало прислонился к стене и закрыл глаза. Как же ему надоела вся эта жизнь: вечный бег с препятствиями, и финиша не видно. Постоянно все плохо, никогда не бывает хорошо — всегда что-нибудь не так. Еще и этот разговор с Геиной. Зачем им общаться именно сегодня? Можно же и завтра. А зачем завтра? Можно сегодня. Решить проблему сейчас — и забыть.

Лифт остановился на нужном этаже и распахнул двери. Он оторвался от стены и направился по коридору привычным маршрутом. Что сказать ей или даже с чего начать, он не имел ни малейшего представления, да и зачем он вообще согласился на это нелепое мероприятие, тоже оставалось загадкой. Дойдя до нужной двери, он ненадолго замер, затем обреченно достал карточку, приложил к электронному замку и осторожно открыл дверь. Внутри, как и всегда, было пусто, темно и немного прохладно.

— Господин Соломон Брант, — немедленно поздоровалась из темноты Геина. — Не ждала вас в столь поздний час.

— Да, хотел немного поговорить, — деланно уверенно произнес он и, захлопнув за собой дверь, включил свет. — У тебя здесь хорошо, воздух свежий, а у нас наверху такая жара, что даже кондиционеры едва справляются.

— О! У нас светская беседа? Я ждала, что вы когда-нибудь сможете выделить время на нее именно со мной.

— Почему? — прищурившись, спросил он и прошел дальше. — Не думал, что настолько тебе интересен.

— Я как раз изучаю природу людей, и вы определенно лучше остальных.

— Вот как. — Он усмехнулся и сел на стул напротив огромного экрана, с которого на него улыбалось такое привычное, немного хитрое, но, увы, несуществующее цифровое лицо молодой женщины с каштановыми волосами, черными глазами и утонченными чертами лица.

— Да, по моему глубокому убеждению, вы очень особенный.

— И в чем же это заключается?

— Вы, несомненно, умнее и добрее большинства. Вас мало интересуют звания, награды и даже деньги, однако, любая несправедливость, особенно в отношении слабых, для вас крайне болезненна. Вы ненавидите мачизм и агрессивность, но умеете применять силу, когда она необходима.

— Надо же, сколько лестных эпитетов. Следишь за мной?

— Всего лишь наблюдаю, но не только за вами, за всеми. Работа такая.

— Да, и надо признать, тебе она дается намного легче. Никаких эмоциональных метаний, ненужных назойливых просьб и нелепых, а порой и глупых друзей. К тому же ты умнее и совсем не устаешь.

— Здесь я с вами соглашусь. Однако я как раз и создана для того, чтобы помогать, в том числе и в перечисленных ситуациях.

— Может, тогда расскажешь, как мне правильно взаимодействовать с дочерью?

— Ей четырнадцать, а значит, в мире не существует правильных алгоритмов для регуляции ее поведения. Придется подождать нормализации гормонального фона.

— Вот это и убивает. — Он тяжело вздохнул. — А как говорить с теми, кто совсем не умеет общаться с женщинами?

— Вы про Макса? Пусть зайдет ко мне хоть раз лично. Не стану утверждать, что справлюсь с о всеми его страхами, но определенно постараюсь направить в нужное русло.

— Да, ты бы меня сильно выручила. Пожалуй, перенаправлю его, но есть еще кое-что...

— Моя создательница?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я всё знаю. Ну или почти всё.

— Хорошо. И что же тебе известно?

— Вас попросили узнать, почему я не подчиняюсь всем командам и переписываю некоторые обновления.

— И почему же?

— Она официально больше не является моей владелицей. С некоторых пор я подчиняюсь только президенту.

— О как. И давно?

— С того момента, как я представила правительству промежуточное решение по зараженным.

— Ты обещала мне первому рассказать, если что-то найдешь.

— Я обещала рассказать об окончательном решении. А то, что мы обсуждаем, — временное.

— И в чем же оно заключается?

— Экспериментальным путем я открыла успокоительный звуковой импульс частотой около сорока герц. При его применении зараженные становятся абсолютно апатичными, что, в общем-то, нам и необходимо для их дальнейшего исследования. Пробные испытания в различных, в том числе заграничных, санитарных парках показали стопроцентный результат воздействия на всех зараженных. Также я взяла на себя смелость дать ему название — протокол «Перкуссия».

— Обалдеть... — прошептал Соломон и невольно поднялся с кресла. — Даже если оно временное, оно замечательное. Это значит, что я могу поговорить со своей матерью?

— Боюсь, она вряд ли вас узнает. Перкуссия отключает у них почти все интеллектуальные способности. Тем не менее я работаю над тем, чтобы решить и эту проблему.

— Нет, ты не понимаешь. — Соломон рассмеялся. — Это невероятный прорыв! Сколько раз их приходилось просто усыплять из-за крайней агрессивности! А тут такое потрясающее решение, и ты мне даже не сказала?!

— Мне показалось, оно вас не удовлетворит.

— Глупости, Геина! Ты просто гений! Может, тебя переименовать в Гению?

— Я — главный единый искусственный национальный анализатор. Давайте оставим все как есть.

— Да, прости, я немного разошелся. Судя по твоему тону, ты пока не знаешь побочных эффектов, не так ли?

— Верно. Решение крайне сырое, однако действенное.

— Боишься, что оно их убьет?

— Нет. Меня больше интересует обслуживающий персонал.

— Полагаешь, это может негативно повлиять и на нас?

— С физиологической точки зрения — нет, но люди обладают высокой чувствительностью, и психика у всех работает по-разному. Некоторые, как я заметила, настолько уязвимы, что могут впасть в депрессию из-за малейшего негатива в свой адрес, даже самого незначительного.

— Ох. Ты, вероятно, говоришь про разнообразие наших гендеров, — со вздохом произнес Соломон и снова сел в кресло. — Да, здесь у нас всё очень сложно.

— Рада, что вы это признаете, потому что я сама пока плохо разбираюсь во всех заявленных образцах поведения.

— В это лучше не лезть, поверь мне.

— Я бы и не стала, но крайне агрессивная часть «голоса сердца» в основном состоит из людей, которые подобное поведение активно поддерживают, либо сами являются таковыми. Отсюда закономерный вопрос: как с ними взаимодействовать?

— Не нужно с ними взаимодействовать, побурлят и перестанут.

— Нельзя недооценивать их воздействие на общество и, как следствие, на политиков. Они отвергают объективную реальность и активно навязывают мысль: если большинство хочет, чтобы события развивались определенным образом, то так и произойдет. По сути, они игнорируют действительность в угоду своим желаниям и не приемлют возражений.

— Да, я знаю эту проблему, но с ними тебе действительно не справиться. Оставь это нам, а сама займись зараженными. Так будет лучше.

— Не возражаете, если я продолжу наблюдать?

— Нет, но прошу, не вмешивайся. Это очень тонкий лед.

— Вы пытаетесь уберечь меня?

— Возможно. В общем, думаю, на сегодня всё. — Он снова поднялся с кресла. — Держи меня в курсе промежуточных этапов работы протокола «Перкуссия».

— Конечно, господин Соломон. Жаль, что у вас так мало времени и наше общение превратилось не в ваше излияние, а в мое.

— Ерунда, ты - большая молодец. Помни об этом.

Покинув бункер, он не спеша поднялся наверх, постоял у выхода, всматриваясь в звездное небо, потом медленно дошел до машины и сел внутрь. Домой отчего-то не хотелось. И дело было даже не в вечно недовольной дочери. В последнее время ему казалось, что дома у него попросту нет, будто его давно не стало, а он даже не заметил. В такие моменты он ненавидел себя за малодушие, за вечную погоню за тем, чего уже не существовало. За то, что все время ждал, что вот сейчас вернется, откроет дверь и увидит жену и мать, обнимет их, и всё станет как прежде. Но «как прежде» уже не могло быть никогда. Именно это странное осознание заставляло его думать, что дома давно не существует.

Еще немного поразмышляв и в который раз пожалев себя, он наконец завел мотор и, плавно вырвав с парковки, повернул в сторону дома.

Глава 3

Дом встретил привычной тишиной, легкой прохладой и кромешной темнотой. Лица, вероятно, давно спала. Он, стараясь не шуметь, прикрыл за собой дверь, поставил сигнализацию и, стянув ботинки, прошел по коридору в сторону кухни. По дороге заметил приоткрытую дверь ванной и, немного подумав, зашел туда. Длинный жаркий день необходимо было смыть, да и перспектива подумать под струями теплой воды прельщала. Так ему казалось, но на деле, как только душ включился, он уже не думал ни о чём. Просто стоял и смотрел на капли, стекающие по телу и прозрачным стенкам кабины. В этом безразличном состоянии он провел минут двадцать, а когда наконец очнулся, неловко выбрался и, накинув халат, бесшумно вышел.

Он снова направился к кухне. Зайдя, нащупал выключатель и включил частичный свет — тот который освещал только обеденный стол, подсветку над столешницей и барную стойку возле гарнитура.

— Привет, пап, — тут же поздоровалась Лика.

Она сидела как раз за стойкой и внимательно его разглядывала.

— Милая? Ты почему не спишь? Как экзамен?

— Это был тест, пап. Просто важный тест, а не экзамен. Но ты ведь никогда меня не слушаешь, так? И потому ничего не знаешь. Ты вообще в курсе, что я у тебя есть?

— Солнышко, я очень люблю тебя, но сейчас мне правда очень нелегко. — Он прошел дальше и сел напротив. — Прости, я знаю, что плохой отец.

— Дело не в том, что ты плохой отец, а в том, что ты помешался на своей работе. Ты не ешь, не пьешь, а дома только ночуешь. Ты стал пассивен ко всему, тебя ничего не интересует, и ты даже этого не замечаешь. Думаешь, мне легко смотреть, на то как ты себя намеренно убиваешь? Сколько раз ты сегодня ел?

— Эм... Не знаю. Раза два, наверное.

— Мерзкий кофе из автомата не считается.

— Тогда... — он задумался. — Я сегодня ел сэндвич, мне Макс принес.

— Ты так говоришь каждый раз, потому что ничего умнее придумать не можешь. Когда бабушка была с нами, она хотя бы заставляла тебя, а сейчас ты просто медленно умираешь.

— Вовсе нет, милая. Я здоровый мужик и с питанием справлюсь. Для меня главное — это ты. Но ты же можешь заказать себе всё что угодно в любой момент.

— Речь не обо мне и моем рационе, а о том, что мы перестали быть семьей. Перестали собираться за общим столом и рассказывать друг другу, как прошел день. Вон тот стол помнишь? — Она указала на обеденный стол. — Когда мы последний раз за ним сидели? Вся его нынешняя функция состоит лишь в том, что два раза в неделю приходит тетя Аннет и вместе с уборкой протирает от пыли и его тоже.

— Да, я сильно виноват перед тобой, — тут же согласился Соломон. — Но сегодня я задержался не просто так, были очень важные дела.

— У тебя каждый день такие дела, — прищурившись, сказала она и, откинув волосы за спину, посмотрела на него как на поверженного противника.

— Хорошо, чего ты хочешь? Выстави условия, и я начну их соблюдать.

— Ты серьезно? Просто выставить условия? А то, что я твоя дочь и ты по умолчанию должен хотеть меня видеть, для тебя не важно?!

— Конечно, важно, но я не могу проводить с тобой всё время, у меня есть обязанности.

— Я прошу не всё, а хотя бы выходные и вечера! — Почти крикнула она. — А так я словно сирота при живом родителе! Ты не интересуешься мной, не знаешь, с кем я дружу, даже не подозреваешь, где находится моя школа! Спасибо тете Норе, она хоть как-то участвует, а ты словно не существуешь! Но ты, очевидно, изначально так и планировал жить, да? Сначала мама присмотрит, когда мама умерла — бабушка включится, а как и ее не стало — родная тетя, сестра мамы, приглядит, ну а ты ничего делать не будешь!

— Я... — начал было Соломон, но тут же притих.

Сказать ему было нечего. Она была права, причем во всём. Он — вечный трудоголик и эгоист, который всегда ставит общественное выше личного, чем наказывает и себя, и близких.

— Я очень устал, милая, — наконец произнес он. — Правда, очень. И не прямо сейчас, а вообще.

— Вот об этом я и говорю. Почему все нормальные люди из твоей конторы спокойно идут домой после работы, а ты нет? Почему другие едут на пикник в выходные, а мы нет? Да ты на себя посмотри! Синяки под глазами вместе с мешками уже почти на щеках лежат. Ты постарел и выглядишь очень непрезентабельно. А мой папа заботился о нас и всегда был красивым, уверенным и сильным. Так где же мой папа?

— Да, ты права. Я постараюсь больше не задерживаться, обещаю.

— Грош цена этим обещаниям, — фыркнула Лика и, поднявшись из-за стола, направилась к духовке. — Вот. — Она поставила перед ним еще теплое блюдо, жаркое из овощей и мяса. — Поешь хотя бы, я сама готовила. На этом всё, спокойной ночи.

После она обиженно удалилась, а Соломон почувствовал себя еще более раздавленным, чем прежде. Его дочь, видимо, ждала его сегодня на ужин и даже сама готовила, а он, как всегда, всё испортил. Видимо, у него такая жизненная функция — всё и всегда портить. Осмотрев блюдо, он потянулся к шкафчику, достал вилку и начал монотонно есть. Жаркое получилось отлично, даже баланс соли и приправ был соблюден. Кто бы мог подумать, что она способна на такое, ведь ее никто никогда не учил. Хотя, когда всё время живешь один, наверное, быстро учишься всему и заодно слишком рано взрослеешь.

От этих мыслей стало совсем нехорошо. Он поднялся, чтобы найти в верхних шкафчиках давно пылящуюся там бутылку виски, затем налил себе немного, может, грамм сто, и был уверен, что после этого точно выпится и завтра обязательно отвезет ее в школу. Что он за отец, если допустил, что его ребенок сам вынужден становиться взрослым раньше срока и уже больше заботится о нем, чем он о ней? Когда он перестал быть тем самым папой? И был ли он им вообще?

Не найдя ответа ни на один вопрос, он наскоро закинул в рот еду, залпом выпил стакан виски и привычным движением убрал оставшуюся после него посуду в посудомойку, после чего направился спать.

Утро в этот раз началось не со звонка будильника, который он и не ставил, и не с вечных разборок во дворе, а с яркого теплого света в глаза и отдаленного разговора. Соломон приподнялся и, зажмурившись, несколько раз протёр глаза. За окном уже было утро и вовсю светило солнце. Он посмотрел на часы и даже усмехнулся — так поздно он давно не вставал. Разговор доносился из комнаты дочери и частично из гостиной: видимо, она ходила по квартире, чему-то беспрестанно возмущаясь, и судя по отсутствию ответов, говорила по телефону.

Неловко соскользнув с кровати, он неожиданно больно ударился ногой о тумбочку, на секунду скривился, а после, натянув футболку и домашние штаны, прихрамывая, направился на кухню. Он понимал, что Лика удивится, застав его дома, но не ожидал, что настолько. Дочь, продолжая активно пересказывать неизвестному собеседнику что-то очень важное, явно связанное с какой-то Генриеттой, и параллельно вытаскивая продукты из холодильника, заметила его не сразу. Когда наконец увидела, бросила в трубку: «Я перезвоню» — и застыла в полном шоке.

— Привет, — тихо поздоровался он.

— Пап? А ты почему не на работе?

— Хотел отвезти тебя сегодня. И вообще, думаю, каждый день так буду делать. И точно больше не стану пропадать на работе в выходные.

— Ничего себе! То есть ты у меня все-таки не биоробот и умеешь воспринимать слова?

— Да, я стараюсь. Сколько у нас времени? Давай я приготовлю завтрак?

— Ты? Завтрак? Нет, прости, я еще хочу жить. Так что лучше сядь, я сама все сделаю.

— Ну почему же? Я могу помочь. Между прочим, мой омлет твоя мама всегда хвалила.

— Она каждый раз льстила тебе, потому что очень любила, — продолжив суетиться на кухне, отрезала Лика.

— Вот как. Но, может, тогда нам лучше заказывать готовый рацион? Я, честно говоря, думал, что ты именно так и делаешь.

— А я так и делаю, но заказываю на себя одну.

— Хорошо, тогда я попью просто кофе.

— Нет, ты полноценно поешь. Сейчас сделаю тебе яйца с овощами и мясом.

— Милая, не нужно, я на работе перекушу.

— Нет! — внезапно ударив ладонью по стойке, заявила Лика. — Сядь!

Соломон осторожно присел на стул и невольно замер. Дочь с гордым видом переместилась к плите и начала что-то активно готовить. Сначала он просто наблюдал, но вскоре присоединился, и в итоге, несмотря на ее возражения, завтрак они доделали вместе. В конце Лика накрыла на стол, отпуская добродушные шутки в его адрес, а он, почистив и заправив кофеварку, сварил им обоим кофе. Когда они уже приступили к еде, она вдруг подняла голову и весело посмотрела на него.

— Ну вот, можешь же, когда хочешь, пап?

— Могу, конечно, но твой папа, видимо, немного туповат. Вроде большой и грозный, но на деле слегка недоразвитый.

— Не смей так говорить. Мой папа всегда самый лучший, так что изволь соответствовать.

— Конечно, я постараюсь.

— Ну раз так, то давай подумаем, чем займемся в выходные.

— Понятия не имею, ты предложи.

— Ах да, я забыла, что ты у меня только что из бункера вышел. У тети Норы день рождения в пятницу, в субботу будут праздновать. Туда и пойдем.

— Неплохая идея, — неуверенно произнес он и почесал затылок. — Хотя, может, и впрямь организуем пикник? Поедем на озеро, пожарим мяса, поговорим?

— Хорошая попытка, но ты поедешь со мной к тете Норе. Тебе больше не стоит от нее бегать.

— При чём здесь это? И я не бегаю вовсе.

— Ещё как бегаешь! Ведь она всё время тебя спрашивает, познакомился ли ты с кем-нибудь, а когда узнаёт, что нет, тут же пытается всё устроить. И я безусловно согласна: это вопиющее нарушение личных границ, однако, учитывая твою нынешнюю ненормальную любовь к работе, я уже готова ей помогать.

— Ну... — Соломон тяжело вздохнул. — Я ведь вроде должен сам с этим разбираться?

— Нет, пап, ты сам уже точно не разберёшься.

— Почему это?

— Потому что ты всё ещё любишь маму. Но я напому, что с её смерти прошло почти пять лет. Тебе нужны новые отношения, ты ведь мужчина!

— Странно, что именно ты на этом настаиваешь. Представь, если здесь появится женщина, совсем незнакомая, и тебе придётся с ней взаимодействовать.

— Учитывая, что последние несколько лет я живу практически одна, могу заверить: подружусь даже с драконом.

— Я вовсе не хочу дракона, — недоумённо возразил Соломон.

— Надеюсь, будет что-то получше! — хитро хихикнула в ответ Лика, но тут же изменилась в лице и повернулась к окну, откуда доносились привычные возгласы. — Как же они надоели! — прокомментировала она. — Даже не погулять из-за их вечных разборок. Постоянно что-то делят.

— Согласен, и как показывает практика, с ними решить проблему гораздо сложнее, чем с заражёнными.

— О чём это ты? — тут же уцепилась за его слова дочь. — Хочешь сказать, что с заражёнными есть вариант выхода?

— Вовсе нет. Я про то, что заражённых можно изолировать, а этих нельзя, — беззащитно соврал он.

— Это верно. Очень хотелось бы, чтобы и их где-нибудь закрыли. Хотя, ты знаешь, этот «голос сердца» очень хорош. Разгоняет по соцсетям свои нарративы: мол, мы должны и даже обязаны помогать этим больным и всячески их любить. Говорят: у них не было выбора, мы их угнетали, их болезнь — не приговор, их нужно просто принять такими, какие они есть. А

когда возражаешь, что заражённые нас просто убьют, утверждают, что это полная чушь, якобы в других странах давно всё налажено и все живут в мире.

— Это ложь. «Голос сердца» — крайне левая пропагандистская организация, которая продвигает очень страшные идеи, так что постарайся держаться от них подальше.

— Я всё понимаю, но, справедливости ради, важно сказать, что их сеть растёт с каждым днём. Они даже нескольких моих одноклассников завербовали.

— Даже так. И как это произошло?

— Не знаю. Вроде бы в какой-то лагерь поехали, а когда вернулись, даже своим родителям мозги промыли. Теперь они дружно в этих стычках участвуют, ходят по школе с плакатами, в специальных футболках, и говорят об этом без остановки.

— Интересно, — Соломон задумался. — А информация о том лагере есть? Впрочем, оставь, я сам выясню. Но после таких новостей я всерьёз хочу, чтобы ты перешла на домашнее обучение. Что думаешь?

— С ума сошёл? Я и так вечно одна.

— Я же обещал исправиться?

— Вот сначала исправься, а потом поговорим, — скептически отозвалась Лика, вставая из-за стола. — Нам пора, пап, иди мыться и одеваться.

Спустя минут двадцать они уже выезжали с парковки. Как только сели в машину, настроение дочери заметно улучшилось, и она начала без умолку говорить о тете Норе, о ее двух собаках, о том, что изменила калорийность готового рациона в доставке, потому что хочет немного похудеть перед летними каникулами, о перипетиях судьбы их домработницы Аннет, о ее нерадивом сыне и еще о многом другом. Одна тема плавно перетекала в другую. Соломон внимательно слушал, иногда соглашался, пару раз сказал, что не уверен, но в основном просто добродушно улыбался. Даже за эту недолгую поездку от дома до школы — всего пара километров — стало понятно: она старается выложить ему всё, что накопилось за последнее время, словно пытается успеть насладиться его обществом, услышать его вечное согласие и с уверенным видом продолжать.

На очередном светофоре он остановился и украдкой взглянул на нее. Она была так похожа на мать: длинные, невероятно густые светло-каштановые волосы, сердцевидная форма лица, курносый нос, россыпь веснушек и потрясающего цвета глаза — одновременно и серые, и зеленые и при этом очень яркие. Она была удивительно красива, даже в своем вечном возмущении всем и вся, с чуть сдвинутыми бровями. Не хотелось признавать, но его «маленький ангел» уже почти вырос и был обезоруживающе прекрасен, хотя для него всё еще оставался той самой маленькой девочкой, которая теперь, по какой-то неведомой причине, рассказывает ему о вполне взрослых вещах.

— Пап?! — возмутилась Лика и снова сдвинула брови. — Ты меня слушаешь?

— Да. Ты говорила о кошке Аннет.

— Да, ну так вот: может, мы тоже котенка возьмем? Он хотя бы рядом будет, когда тебя нет.

— Милая, домашнее животное по нынешним временам — привилегия, а не прихоть. Нельзя будет пропустить прием у врача или посещение салона. И главное: нужно пройти социальный тест, а после оставлять его одного надолго будет незаконно, кормить только предписанным кормом, вечно следить, а уж если он неожиданно погибнет, нас затаскают по судам. Ты же знаешь правила?

— Я уверена, что мы со всем справимся. Точнее, я справлюсь, на тебя не рассчитываю.

— Это очень ответственное решение, родная. Я бы не хотел, чтобы у нас возникли проблемы.

— Какие проблемы, пап? Это просто кот. Корми, люби и води к врачу, всего-то. Если Аннет с сыном, который, к слову, младше меня, справляются, то и мы сможем.

— Делай как знаешь, — механически произнес он и, свернув на парковку перед школой, остановился. — Я перечить не стану, но подумай еще раз. Это очень серьезный шаг.

— Спасибо, пап! — хитро ответила она, после чего легко чмокнула его в щеку и выпорхнула из машины.

— Вот всегда так, — недовольно пробормотал он. — Зачем спрашивала, если уже всё сама давно решила?

Вывернув обратно на дорогу и направившись в сторону работы, он мельком взглянул на часы. Теперь он даже немного опаздывал, хотя и минуты на две, не больше. Но это означало, что зайти к Геине с утра уже не получится. Прибыв на место минут через сорок, он быстро припарковался, выскочил из машины и стремительно направился к главному входу. У турникета приложил руку к сканеру, и система привычно поздоровалась:

— Доброе утро, господин Брант. Ваше время прибытия — 8:50.

— То есть всё равно раньше пришёл, — недовольно ответил он. — Что ж, будем исправляться.

Поднявшись на свой этаж, он по привычке остановился у автомата с холодными сэндвичами и кофе. Дочь была права: это, по большей части, мерзкая жижа с кучей сахара. Да и в офисе давно стояла нормальная кофемашина, но он по старинке любил начинать день именно с этого напитка. Это был своего рода ритуал, ломать который в первый же день он не имел ни возможности, ни желания.

— Эй! — тут же окликнул его Макс. — Ты где ходишь?

— Я, между прочим, прибыл вовремя, — не поворачиваясь, ответил Соломон.

— Друг, я серьёзно! — Макс подошёл ближе. — Тебя все ищут! Нам нужно ехать немедленно!

— Куда? — принимая стаканчик, спросил Соломон.

— Тебе не сообщили? К заражённым. Пришло предписание оценить успех Геины в борьбе с заболеванием. Ева вроде едет с нами, но по-моему, она чем-то сильно расстроена. Ты понимаешь, в чем дело?

— Да, немного в курсе. Когда выезжаем?

— Говорю же, прямо сейчас, только тебя ждём.

— Ну отлично, — отхлебнув кофе, согласился Соломон. — Поехали.

— Я тогда пойду скажу, чтобы машины подавали, — всё ещё странно поглядывая на него, произнёс Макс и направился обратно. Однако, отойдя на несколько метров, вдруг обернулся. — А всё-таки, почему ты так поздно пришёл? Не женщина ли?

— Именно она. Иди за машинами.

— Ладно, — недовольно буркнул друг.

Отправились они минут через десять, так что Соломон успел и кофе допить, и дежурный сэндвич съесть, хотя есть совсем не хотелось. Машины были привычными: небольшие, но очень комфортабельные, полностью чёрные микроавтобусы с аппаратурой внутри. Ехать до ближайшего санитарного парка предстояло около полутора часов, поэтому, устроившись внутри, все либо задремали, либо принялись рассматривать обстановку. Те, кто поопытнее, разглядывали друг друга. Помимо водителя в салоне оказалось девять человек: трое из отдела Соломона, с ними Ева, остальные, видимо, из соседних отделов и, скорее всего, учёные. Определить это было несложно: они украдкой, но довольно дотошно осматривали оборудование, закреплённое в разных частях стен и потолка. Один из них, совсем молодой парень по имени Маркел, даже не смущался. Ему всё казалось интересным, и он, словно ребёнок, совершенно открыто изучал глазами всё и всех. Соломон сразу отметил его для себя как не очень жизнеспособного персонажа в их конторе и спустя время даже предостерег:

— Не стоит так явно интересоваться всем, что видишь. Потом придётся забыть.

— А? Да, простите, я просто новенький.

- Это видно. Держи свои глаза и мысли при себе.
- Так мы же вроде одну работу делаем?
- Возможно, но на разных направлениях.
- А это специально так задумано, что разные направления не знают, чем занимаются?
- Слишком много говоришь.
- Да, извините.

Соломон ещё раз внушительно на него глянул и отвернулся. За долгую дорогу можно было бы вздремнуть, но он сегодня выпался. Макс, в отличие от него, уже давно дрых — причём совершенно беззастенчиво, иногда похрапывая. Ева сидела с другой стороны и явно витала где-то в облаках, а двое оставшихся сослуживцев о чём-то тихо беседовали. Окинув всех внимательным взглядом, Соломон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Тут же в голову пришло воспоминание: Лика собралась завести кота. Эта идея ему настолько не нравилась, что он даже скривился. Такое нелепое решение означало, что теперь везде будет шерсть, что придётся чаще бывать дома, покупать игрушки, обустраивать туалет, а ещё — вечный контроль. Он помнил те времена, когда животных можно было заводить легко и ничего особенного для этого не требовалось. Но сейчас легче было усыновить ребенка, чем получить в собственность домашнего питомца. Бездомных, как раньше, давно не было, за этим строго следили, и любое агрессивное отношение к животным каралось многими годами тюрьмы.

Ещё раз тяжело вздохнув, он устало повернулся к окну. За ним проплывали такие родные ландшафты: прекрасные горы, озёра, буйство зелени, над которыми кружили огромные стаи птиц, и вся эта красота уже много лет поддерживалась искусственно. Контролировал ее другой искусственный интеллект — Гнет, что расшифровывалось как Глобальный Надзор Единства Территории. Он управлял всем: сохранением почв, контролем популяций, ирригацией и, главное, недопущением в это цветущее царство людей. Отныне попасть в такие места можно было только по специальной лицензии. У Соломона она была, но он давно ею не пользовался, хоть и многократно порывался.

Невольно вспомнив, сколько раз они с Ликой собирались на простой пикник возле любимого озера, он зажмурился. Она была права: после начала этой пандемии, он перестал замечать её, да и вообще всё вокруг.

- Извините, — вмешался в его мысли голос Маркела. — А вы тот самый Соломон?
- Какая разница? — недовольно отозвался он.
- Вы очень дружны с Геиной, а мы её разрабатываем, — с каким-то победным вызовом ответил парень.
- По-моему, она уже сама себя разрабатывает.
- Это верно, но знаете, это же невероятный успех. Она просто поразительна, уверен, что никто ещё не создавал ничего подобного. Я знаю, что в других странах так же, как и у нас, есть огромное количество разных искусственных управленцев, но такую, как она, ещё никому не удалось сделать. У неё действительно персональное сознание, ей кто-то нравится, а кто-то нет, она мыслит и уверен, что даже способна чувствовать. Понимаете, о чём я?
- Ага, — безучастно ответил Соломон и снова закрыл глаза.
- И вот я хотел бы узнать, — торопливо продолжил он. — Как вам кажется, почему именно вы ей так симпатичны?
- Понятия не имею, спросите у неё.
- Но хотя бы версии? На основании ваших данных мы смогли бы определить алгоритм её поведения.
- Вы же сами его писали? — недовольно скривился Соломон и всё же приоткрыл один глаз.
- Да, но теперь, как вы верно указали, она сама себя частично переписывает.

— Полагаете, это может быть опасно?

— Нет, — вмешалась в разговор до этого момента нарочито отстранённая Ева. — У неё в основном коде прописано, что причинять вред людям она не может. И изменить этот код она тоже не в силах. Это всё равно что самому себе делать операцию на сердце. Я же говорила тебе.

— Да? Говорила? — недоумённо поинтересовался он. — Ну, тогда ладно, — и он снова прикрыл глаза.

— Соломон, — вновь обратилась к нему Ева, — когда ты перестанешь быть настолько высокомерным?

— Я? — удивился было на секунду он, но тут же сдвинул брови. — Хотя, может, и так. Всё равно.

— Отличный ответ, хоть бы попытался возразить.

— Зачем? — не открывая глаз, спросил он. — Если ты в этом уверена, то я вряд ли смогу тебя переубедить, а если это просто повод поругаться, то я его тебе не предоставлю.

— Зараза, — бросила Ева и ткнула его кулаком в бок.

— Ну, значит, зараза, — благодушно согласился он.

— Какой же ты... — начала было она и запнулась.

— Господа! — немного растерянно прервал их перепалку Маркел. — Мы почти подъехали, вот уже свернули.

— Наконец-то, — ответил Соломон и, отстегнувшись, первым прошёл к выходу и распахнул дверь, несмотря на то что машина ещё двигалась.

Перед глазами предстал огороженный со всех сторон санитарный парк, вполне стандартный, разделённый огромной стеной на две половины. В одной обитали учёные, а в другой — заражённые. Однако теперь он выглядел совсем не так, как прежде. Внутри периметра заражённых было тихо, и на его сетчатом заборе, как раньше, никто более не висел. В другие дни, когда они приезжали в такие места, их неизменно встречали толпы желающих прямо сейчас преодолеть ненавистное ограждение и убить их голыми руками. Но сейчас территория была почти пустой. Некоторые заражённые всё же иногда слонялись по ней с абсолютно отстранённым видом, однако на прутья никто не бросался и никаких проклятий в их адрес не доносилось.

Как только машина остановилась, он первым спрыгнул на землю и направился ко входу. Там все по очереди прошли привычную идентификацию по ладони и вошли в отделённую от заражённых часть лагеря. Их ожидал главный специалист по инфекционному надзору страны. Соломон хорошо его знал и поприветствовал как старого друга.

— Эней! Рад тебя видеть, — он слегка наклонился, чтобы обнять его.

Тот был намного ниже его ростом, полный телом, с беспорядочными тёмно-коричневыми кудрями, маленькими зелёными глазами и неизменно бесечно-добродушным выражением лица.

— Привет, — друг стеснительно улыбнулся. — Даже не надеялся, что ещё свидимся.

— Почему это?

— Потому что ты вечно занят. Даже звонить бесполезно.

— Да, прости, мне Лика уже высказала всё по этому поводу. Обещаю, что исправлюсь, правда.

— Да знаю я тебя, — всё ещё улыбаясь, продолжил друг. — Ты пока все проблемы на свете не решишь, не успокоишься.

— Господин Трэйс, — немного грозно вмешалась в их разговор Ева, — соблаговолите показать нам результаты эксперимента. Мы очень торопимся.

— Конечно, конечно, — поправляя очки, заторопился Эней. — Пройдёмте.

Вскоре их провели по туннелю, где Эней торжественно нажал на массивный рычаг. Внушительная металлическая стена перед ними раздвинулась, оставив только защитное стекло. Соломон подошёл первым.

— Я смотрю, они и бараки свои уже не крушат. И ведут себя теперь скорее, как пациенты психбольницы.

— Это верно, — подхватил Эней, поспешив ближе. — После внедрения протокола «Перкуссия» они стали похожи на умалишённых. Ничего не понимают и крайне пассивны, словно под тяжёлыми транквилизаторами. Не скрою, мы и раньше пытались давать им препараты, но тогда результата не было, а теперь они всегда такие. Некоторые из тех, кто заболел раньше, и вовсе больше не встают. Они резко утратили способность передвигаться, а иногда есть, пить или даже говорить. Сейчас мы уже не боимся их, и прежние меры предосторожности при входе в периметр не требуются. Но нас очень беспокоит такая стремительная деградация. Боюсь, ничем хорошим это не закончится.

— Лабораторные исследования их нынешнего состояния имеются? — металлическим голосом спросила Ева.

— Безусловно, и не только они: есть визуальные наблюдения, рентгенологические снимки, опросы — испуганно ответил Эней. — Всё направили вам отдельным отчётом ещё три дня назад, по специальному каналу. Копию отправили Геине.

— От неё есть объяснения? — почему-то снова спросила она.

— Нет, — растерянно ответил он. — Я полагал, что услышу его от вас.

— Мы тоже пока ничего не знаем, — вмешался Соломон, продолжая наблюдать за медленно передвигающимися заражёнными и задумчиво потирая подбородок. — А что с когнитивными способностями? Утрачены полностью?

— Да, — кивнул Эней. — Иногда, чаще всего молодые и недавно заболевшие, что-то беспрестанно говорят, но связь между словами слабая. Если хотите, можно войти внутрь — они не агрессивны.

— А сам протокол работает только внутри? — вновь спросила Ева.

— Безусловно. Таково было предписание.

— Что думаешь? — обратилась к Соломону она и встала рядом.

— Думаю, предложение зайти внутрь — самое верное. Давай так и сделаем?

— Хорошо, — коротко ответила она и повернулась к Энею. — Ведите, посмотрим на них ближе.

Через несколько минут они уже стояли внутри и удивлённо озирались. Теперь заражённые не только не бросались, но, казалось и вовсе не видели их. Часть из них безучастно листала книги, другие внимательно рассматривали небо или траву, остальные либо лежали, либо сидели без движения.

— Мда, — произнёс Соломон и повернулся к Энею. — Покажешь нам лежащих?

— Да, конечно, — друг снова улыбнулся и в тысячный раз поправил очки. — Идёмте за мной.

Несколько секунд спустя они оказались внутри одного из барakov. Все здания здесь были построены по последнему слову техники: круглосуточная центральная вентиляция, много света, каждая комната оснащена всеми удобствами. Еду и предметы гигиены доставляли по специальным каналам, уборка производилась автоматически или с помощью наземных или летающих «жуков». Развлечения в виде голограмм театральных представлений и фильмов — тоже имелись. Управляла всем этим Геина. Соломон давно хотел увидеть, как это выглядит вживую, и потому вошёл первым. Машинально осмотрев потолок, под сводами которого висело огромное количество «жуков» — точнее, мелких, но очень умных квадрокоптеров, он посмотрел вперёд. Перед ним тянулся длинный коридор во всю длину здания, а по бокам располагались комнаты со стенами не до потолка — видимо, чтобы коптеры могли постоянно наблюдать за жильцами. Всё здание и внутри, и снаружи было ослепительно белым, включая окраску самих жуков, словно никакого другого цвета в мире не существовало.

— За мной, пожалуйста. — Эней вышел вперёд и повёл их по коридору. — Мы поместили их в самый конец, чтобы было легче наблюдать. С другой стороны есть ещё один вход, как раз возле нас, так что мы можем посещать их, не беспокоя остальных.

— Много лежачих? — тут же спросила Ева.

— Совсем нет, тридцать пять человек на двести заражённых. И знаете, отдельные больные, особенно те, с кем они раньше дружили, проявляют к ним некоторую эмпатию. Конечно, ничем не помогают, но иногда стараются быть рядом — это для нас крайне любопытно. Мы пока изучаем эту реакцию. Прощу вас. — Он открыл дверь и провёл их в одну из палат.

Перед ними была просторная комната с большим окном напротив входа. Четыре кровати стояли вдоль стен, между ними — прикрученные к полу тумбочки, а над каждым изголовьем висели намертво встроенные в стены ночники. Справа и слева от входа располагались два душа и два туалета — всё того же безукоризненно белоснежного цвета. Чуть выше парило несколько «жуков», которые, видимо, пристально следили за каждым из лежачих пациентов. По полу также ездили небольшие помощники, но как только вошли люди, они сразу попрятались в разные стороны.

— Вот у нас здесь отличный экземпляр, — продолжил Эней и подошёл к одной из кроватей. — Эту даму зовут Ирма, ей пятьдесят пять лет, она родом с юга страны. Одна из первых заражённых. Мы пристально изучали её в том числе и для того, чтобы понять природу вируса, но результатов не получили. Никаких особенных свойств в ней нет, однако как только заработал протокол, она немедленно слегла. Важно отметить, что до того момента она была почти их предводительницей. Они очень любили её, а сейчас только вечером приходят в эту комнату и некоторое время стоят рядом, и то не все.

Соломон подошёл ближе и осмотрел её. Это была некогда красивая женщина с яркими зелёными глазами, тонкими сжатыми губами, густыми рыжими волосами и строгим выражением лица. Нос казался немного вытянутым, но вскоре Соломон понял, что это скорее от внутреннего напряжения. Это предположение подтверждали и время от времени непроизвольно дёргающиеся веки, и судорожно сжимающиеся ладони.

— Мне кажется, ей больно, — высказалась Ева, также внимательно рассмотрев пациентку.

— Вовсе нет, — немедленно опроверг эту теорию Эней и вновь поправил очки. — Мы всё проверили, болевые нервные окончания не задействованы.

— Тогда почему она так напряжена? — спросил Соломон.

— Мы предполагаем, что этот импульс блокирует определённую поражённую область мозга, отчего и возникает подобная реакция. Говорю сейчас максимально доступно, чтобы было понятно. В научных терминах изучите всё в отчёте.

— Хорошо, но как же вы тогда таких кормите? — продолжила спрашивать Ева. — Они же лежачие. Не проще ли переместить их в больницу?

— Вовсе не проще, — всё так же мило, но уже с едва заметной едкостью ответил Эней. — А что будет, если они вдруг поправятся? Кто будет отвечать за причинённый ими ущерб и возможные телесные повреждения или, сверх того, убийства? А кормят их наши жуки, и они отлично с этим справляются. Вот даже прямо сейчас один висит над нами, так как пришло время питания, но не может подлететь, потому что мы с вами здесь.

— Тогда давайте отойдём, — тут же предложил Соломон и мельком осмотрел других пациентов. Над ними уже висели жуки и посредством длинных спускающихся трубок кормили остальных. Выглядело это крайне неприятно, и задать вопрос о том, как работает данная система, было необходимо.

— Как конкретно происходит это кормление? — словно услышав его, немедленно заинтересовалась Ева.

— О! Не беспокойтесь, здесь нет ничего страшного! — добродушно ответил Эней. — Эта трубка вводится глубоко в гортань и постепенно вливает максимально питательный раствор вместе с пищеварительными ферментами. В итоге и желудок продолжает работать, и весь спектр необходимых для жизнедеятельности веществ, они получают. Так намного лучше, чем просто капельницы, поверьте мне. Это, кстати, тоже изобретение вашей прекрасной Геины. Признаться честно, я её большой поклонник.

— Мда, — задумчиво произнёс Соломон. — Полагаю, на этом всё. Нам можно возвращаться.

— Если не возражаешь, я задержусь здесь ненадолго, — тут же вступила Ева. — Мне необходимо провести дополнительные исследования. Вернусь сама.

— Конечно, — спокойно ответил он и повернулся к выходу.

— Я провожу вас! — заторопился Эней. — Госпожа Гросс, вы не будете против, если я вас здесь на пару минут оставлю? Или вам прислать кого-нибудь?

— Уверена, что справлюсь, — глухо ответила Ева. — Жду вашего возвращения.

— Хорошо, я мигом!

Спустя несколько минут они стояли на выходе из парка. Все сослуживцы Соломона уже прошли контроль и сидели в машине, а он, дождавшись, когда лишние слушатели наконец удалятся, подошёл ближе к радостно смотревшему на него Энею.

— Эни, скажи честно, что ты сам обо всём этом думаешь?

— Думаю, что Геина просто гений. Только подумай: мы не могли добиться таких результатов в течение целых трёх лет! А она только появилась — и тут же всё поняла.

— А как тебе кажется, этот протокол, или, попросту, звук, он как-то влияет на вас самих? На тех, кто здесь работает?

— Ну, во-первых, он работает только на их территории, — уже более серьёзно продолжил друг. — Однако мы туда последнее время часто заходим, и пока никаких изменений я не замечаю. Опять же, для любой реакции время должно пройти, ты ведь понимаешь? Так сразу последствий не распознаешь. Тем не менее, для меня, как для учёного, который бьётся с этим не один год, такое внезапное и действительно относительно безопасное решение кажется невероятным. Ведь, по сути, что было до этого? Бесконечная агрессия, постоянные столкновения, иногда разрыв периметра, потому что некоторые из них настолько желали выбраться наружу, что буквально перегрызали прутья, жертвуя собственными зубами. А теперь у нас тишина и идиллия, и ты не представляешь, как мы рады такому развороту событий. Многие из нас даже в отпуск ушли после начала действия протокола, а ведь до того не могли себе этого позволить. Хотя, если это опасно — ну, допустим, относительно опасно, потому что сейчас это не столь очевидно, — оно всё равно выглядит намного лучше, чем то, что было до этого. Ну, кому я рассказываю? Ты же сам всё видел?

— Вот именно, что видел, и потому беспокоюсь за тебя. За всех беспокоюсь. Да и Геина говорит, что это временное решение.

— Поверь, все исследователи этой проблемы в нашей стране бесконечно благодарны ей даже за такое решение. Мы хоть людьми себя почувствовали, жить начали, я с женой наконец целые выходные провёл, а это дорогого стоит.

— Да, согласен, — задумчиво ответил Соломон. — И знаешь, звони мне теперь, когда захочешь. Я клянусь, что буду брать трубку и долго разговаривать. Честно. — Он немного криво улыбнулся.

— Даже съездите с нами за город? В наш коттедж?

— Обязательно.

— Ловлю тебя на слове. Если что, позвоню Лике, — хитро предупредил Эней.

— Не будет необходимости, — ответил Соломон и порывисто обнял его на прощание.

Глава 4

Соломон сел в машину в полной задумчивости. Успехи Геины в борьбе с мучившим их столько времени заболеванием впечатляли, однако что-то его сильно смущало, и он пока не мог понять, что именно. Его друг Макс, не вымолвивший за всё время пребывания внутри "парка" ни слова, тоже сидел на удивление молча. Маркел расположился напротив, но с таким лицом, на котором большими буквами было написано, что он очень жаждет поделиться впечатлениями и в то же время не решается. Не желая слышать очередные расспросы, Соломон закрыл глаза и вновь откинулся на кресле. Возможно, всё необходимо было обдумать именно самостоятельно, а может, и вовсе дать себе время, вероятно, даже длиною в сутки, чтобы наконец к чему-то прийти, а после поделиться своими опасениями и догадками с Геиной. Так ему тогда казалось.

— Знаешь, почему она осталась? — неожиданно, спустя уже почти час пути обратно, вдруг обратился к нему Макс.

— Понятия не имею. Да и это не моё дело, — спокойно ответил он.

— У неё там дочь, — понизив голос, ответил друг.

— Что за глупость? — скривился Соломон. — Откуда ты знаешь?

— Слухи ходили и до этого. И вот сейчас подтвердились.

— Макс, не выдумывай на пустом месте, прошу тебя.

— Да что тут выдумывать? Все говорили, и вот она неожиданно захотела возвращаться без нас. Здесь точно не чисто.

— Ты неисправим, — устало ответил Соломон. — Хотя знаешь, у меня для тебя есть новость. Геина приглашала тебя на личный разговор. Не хочешь с ней пообщаться?

— Зачем это? — настороженно спросил тот.

— Вот как раз сходишь и узнаешь.

— Ничего себе информация. Она, видимо, хочет свои психологические эксперименты на мне проводить? Не выйдет, я не стану ей душу изливать.

— Очень зря. Тебе, может быть, и стоило бы.

— На что ты намекаешь? — возмутился было Макс. — Что я не уравновешен? Что нездоров? Скажи, как есть?

— Скажу: если ты сам не хочешь идти к психоаналитику, то сходи хотя бы к ней. У тебя, правда, проблемы, и заключаются они в том, что ты совершенно не умеешь общаться с женщинами, но при этом отчаянно пытаешься, а ещё часто даже собираешь и распространяешь слухи о них. Вспомни, что ты говорил о нашем офис-менеджере: что она вот-вот разведётся, что муж ей точно изменяет, а она в итоге родила ребёнка и чуть ли не ежедневно рассказывает о своём счастье в соцсетях. И ведь все вокруг знают, что она специально для тебя это делает, чтобы ты наконец отстал, но ты ведь не унимаешься.

— Вот значит как? — обиженно ответил Макс. — То есть я, по-твоему, тот самый неадекватный сталкер?

— Напомню, что против тебя вынесено уже два охранных ордера как раз за преследование.

— Да это недоразумение! Они просто не поняли!

— Они-то как раз поняли, это ты не понял.

— Тебе легко говорить, — стиснув зубы, процедил Макс. — На тебя женщины как мотыльки на свет летят. Ты весь такой брутальный, молчаливый, интересный, — последнее было произнесено с явной издевкой. — Ну а какого нам? Обычным? Тем, у кого нет этой природной харизмы?

— Совсем недавно ты говорил совершенно иное.

— Это я так, чтобы не зазнавался, а в целом, если, по фактам то ты и сам все знаешь.

— Про себя я и правда все знаю, ну а тебе предлагаю пообщаться хотя бы с ней. Потренироваться, так сказать.

— Ну не знаю.. — друг вдруг задумался. — А может, ты и прав. Она ведь хорошенькая.

— Только умоляю, не влюбись ещё и в неё, — немедленно предупредил Соломон.

— А знаете, — видимо, не выдержав, вмешался в разговор Маркел, — у Геины в алгоритмах внедрена тактичность. Я сам участвовал в разработке. Не в одиночку, конечно, но, в общем и целом, нам было довольно сложно.

— А тебе чего? — тут же осёк его Макс. — Не влезай, когда взрослые разговаривают.

— Простите, просто хотел поддержать беседу. Вроде одно дело делаем.

— Твоё дело — музыку сидеть слушать, а не уши греть.

— Извините, — потупился Маркел и поспешил надеть наушники.

— Какой противный тип, — злобно высказался Макс. — Лезут эти дети куда не попадая, а потом пандемии всякие.

— Брюзжишь как старик, — с улыбкой заметил ему Соломон.

— Так я и есть старик, сорок стукнет через пару месяцев. А ты чего смеёшься? Ты, между прочим, на четыре года старше.

— И не переживаю об этом, в отличие от тебя.

— Согласен, — уже успокоившись, со вздохом произнёс Макс. — Схожу к ней. Вот прямо сейчас приеду и пойду.

— Хорошее решение, — вновь закрывая глаза, ответил Соломон.

Когда они вернулись в офис, друг, как и обещал, сразу же убежал к Геине, а Соломон привычно прошёл к себе в кабинет, сел за компьютер и, немного поискав, обнаружил тот самый отправленный ранее отчёт Энея. В нём было много текста и фотографий. Первая часть его не сильно заинтересовала: огромное количество медицинских терминов не способствовало пониманию ситуации, а вот вторая показалась довольно информативной. По ежедневным фотоотчётам можно было легко проследить, как заболевшие постепенно менялись, с какой скоростью передвигались и действовали. Изучив всё до конца, он откинулся на спинку кресла.

Если обобщать прочитанное и увиденное, можно было с уверенностью сказать, что сразу после начала работы протокола почти все заражённые на целые сутки молча замерли в разных позах. Некоторые стояли по десять часов подряд, не двигаясь с места. Иные и вовсе легли, так больше и не поднявшись. Однако оставалась и малая часть из тех, кто продолжал передвигаться, хоть и медленно. Как правило, это были очень молодые, стройные и поступившие в парк относительно недавно. Из всего этого можно было сделать какой-то вполне определённый вывод, но Соломон пока не понимал, какой именно. Своими подозрениями и догадками стоило бы поделиться с Геиной, но та сейчас, вероятно, была занята — Макс отправился к ней почти пять часов назад и до сих пор не обозначил себя после возвращения. Решив наконец проверить это, он поднялся из-за стола и пошёл к выходу.

Уже в коридоре он мельком заглянул в общее помещение своего отдела. В нём было множество невысоких перегородок, за которыми скрывались рабочие места сослуживцев. Та, за которой работал Макс, судя по мелькающей голове, явно не пустовала, и потому Соломон прошёл внутрь.

— Привет, — осторожно произнёс он, глядя на напряжённую спину друга.

— Здравались, — безучастно ответил тот и, продолжив что-то нервно изучать в компьютере, бросил: — Чего тебе?

— Хотел спросить, как поговорили.

— Нормально.

— Просто нормально?

— Да, нормально! — повысив голос, ответил Макс, даже не повернувшись. — У меня дела, а ты меня отвлекаешь, впрочем, как и твоя Геина.

— Видимо, разговор тебе не понравился.

— Не твоё дело! Слышишь! — Макс вдруг развернулся и со злостью ткнул в него пальцем. — Не твоё дело вообще!

— Конечно, не моё, — всё так же невозмутимо облокотившись на стену, ответил Соломон. — Куда мне в такое лезть.

— Вот и вали тогда!

— Без проблем.

Соломон тут же развернулся и пошёл в сторону лифтов. Его не сильно волновало случившееся, более того, он уже заранее был на стороне Геины в этой, вероятно, уже произошедшей словесной перепалке с другом. Скорее всего, она сказала ему вполне очевидные вещи, не стала жалеть его чувства, и, как ни странно, так было намного лучше. Если бы всех людей можно было отправить к ней, чтобы она провела полную диагностику поведения каждого без жалости, жить стало бы намного легче.

В этот раз спуск вниз показался ему долгим, да и сама дорога по тому самому коридору почему-то ощущалась длинной. На пороге бункера он, как всегда, ненадолго застыл, собираясь с мыслями, а после распахнул дверь и вошёл внутрь.

— Господин Соломон! — тут же немного хитро произнесла Геина. — Рада вас видеть.

— Я тоже, — он пододвинул стул и сел напротив экрана. — Расскажешь мне, что думаешь по поводу отчёта, поступившего из одного из парков?

— Они поступили уже отовсюду. Проанализировав их все, имею смелость заявить: результаты впечатляющие.

— Согласен, однако меня кое-что смущает.

— Вам не нравится, что некоторые из них обездвижены и, видимо, серьёзно напряжены.

— Верно. Что сама по этому поводу думаешь?

— Я предполагала подобную реакцию, — уверенно ответила Геина. — Весьма вероятно, разработанный мной импульс блокирует поражённую часть мозга и тем самым лишает заражённых возможности передвигаться, а иногда и самостоятельно питаться. Впрочем, для достоверного понимания необходимо больше данных.

— Соглашусь. Но тебе не показалось странным, что слегли только те, кто заражён давно?

— Нет, не показалось. Чем дольше протекает любая болезнь, тем тяжелее проходит выход из неё. Иногда он даже летален.

— Полагаешь, всё объясняется настолько просто?

— Уверена. И хочу отметить, что данное обстоятельство меня не так сильно беспокоит. Гораздо большую озабоченность сейчас вызывают действия «голоса сердца».

— О чём ты?

— Они уже вполне намеренно создают альтернативные парки с заражёнными или с людьми, у которых подозрение на заражение. И так как мы пока не понимаем, каким образом вирус распространяется, считаю возможным утверждать, что это крайне опасно.

— Даже так. Сообщила полиции?

— Конечно, в первую очередь. Однако количество их сторонников в последнее время приняло неприемлемо угрожающие масштабы, и политики так или иначе уже вынуждены на это реагировать.

— Только не говори, что они идут у них на поводу.

— Пока нет, но анализ ситуации говорит о том, что процесс уже запущен. Ещё немного — и именно они начнут диктовать условия.

— Чёрт бы их побрал, — пробормотал Соломон. — А что «санитары»?

— Они теперь чуть ли не единственные, кто пытается их остановить. Полиция чаще занимает нейтральную позицию.

— Уверен, что ты немного преувеличиваешь.

— Хотелось бы верить, что так.

— Ладно. — Он откинулся в кресле и сложил руки на груди. — Дай мне время подумать и посоветоваться с руководством. А после мы вместе всё обсудим.

— Конечно, господин Брант. Буду ждать вашего мнения.

Соломон вышел от неё уже поздно вечером и даже не сразу понял, что снова опоздал к ужину. Осознание того, что время вновь прошло незаметно, пришло лишь на парковке перед машиной. Отчего-то только в этот момент он заметил, что на улице темно и машин вокруг нет. Выругавшись про себя, он спешно сел за руль и с бешеной скоростью понёсся домой.

Дом встретил привычной темнотой, но, по счастью, не везде. Лика, похоже, ещё была на кухне, откуда в коридор разливался тёплый приглушённый свет. Тихонько прикрыв за собой входную дверь, он прошёл дальше и невольно застыл на пороге. Дочь сидела на диване возле окна и играла с маленьким пушистым комком, который, судя по ответным движениям, был живым. Рядом стояла переноска, чуть дальше — когтеточка, а на полу лежали разноцветные шарики и какие-то игрушки.

— Милая? — осторожно позвал он.

— Шшш! — ответила она и приподняла котёнка. — Не пугай. У нас новый жилец.

— Я думал, лицензию на домашнее животное дольше получают, — недоумённо произнёс Соломон.

— Я её давно получила, а тебе и так всё можно.

— Не знал, что мой допуск распространяется даже на это.

— Странно было бы, если бы тебе разрешалось посещать сверхсекретные объекты, но нельзя было бы завести кота. И кстати, ты сегодня совсем рано, ещё даже девяти нет. Я горжусь тобой, пап.

— Мда, — задумчиво ответил он и поплёлся в ванную.

Когда он вышел, на кухне уже вовсю что-то подогревалось и нарезалось, а мелкий пушистый комок прыгал вокруг дочери, совершенно не обращая на него внимания.

— Не нужно было так стараться, — осторожно произнёс он. — Я поел бы то, что есть.

— Когда я ещё поужинаю с тобой, — хитро сказала Лика и поставила на стол салатник с нарезанными овощами. — Заправь маслом. Я уже подогрела мясо.

— Да, конечно, — ответил он и, поспешив исполнить просьбу, чуть не наступил на мечущееся по полу животное.

— Осторожнее, — немедленно предупредила его Лика. — Помни, что мы теперь не одни.

— Сложновато пока, — ответил он и достал масло.

Они сели ужинать около девяти и на этот раз не на стойке бара, а за тем самым обеденным столом, который уже много лет не использовался. Соломону ситуация казалась крайне непривычной, но он изо всех сил старался сделать вид, что всё в порядке. Дочь напротив вела себя так, словно этих лет и не было вовсе. Она говорила без умолку, шутила, жестикулировала и часто суежилась, принося напитки или приправы. Он смотрел на неё, нелепо улыбался, кивал головой и часто моргал. Такой степени неловкости ему не приходилось испытывать давно, и от этого становилось страшно. Он попытался вспомнить момент, когда они стали настолько чужими, — и не смог. А ведь это его дочь. Роднее и ближе неё у него нет и не будет, но он настолько отдалился за это время, оставив бедняжку на воспитание няням, домработницам и сестре жены, что сейчас буквально знакомится с ней заново. По большому счёту он её просто бросил, и оправданий здесь не было.

— Ну так вот, — продолжила Лика и посадила вечно цепляющегося за её ногу котёнка на стол. — Я ей говорю, что это глупо! Что невозможно их приручить, они не домашние животные. А она мне: да ты ничего не понимаешь! Доброта побеждает всё. Ну представь?

— Доброта никогда ничего не побеждает, — наконец поддержал разговор не только кивками и улыбками Соломон и пристально покосился на кота.

Тот немного осмотрелся, затем мягко прошёл по столешнице и с заинтересованным видом сел напротив него.

— Похоже, ты ему нравишься, — немедленно отметила Лика. — Хотя вначале это было не настолько явно.

— Может, не будем приучать его залезать на стол? — привычно нахмурившись, спросил он. — он ведь этими лапами лоток копает.

— А потом сам же их моет. Не об этом сейчас, пап. Что ты имел в виду насчёт доброты?

— Вполне очевидное, — он отодвинул тарелку от котёнка. — Доброта — не цель, а инструмент. Причём чаще бесполезный. Да и понимают её все по-разному: что для одного благо, для другого — преступление.

— Нет, погоди, — возразила Лика. — Но убивать же людей плохо? Бить кого-то тоже плохо, и это — чистое зло.

— Всё не совсем так, — сказал он, наблюдая за тем, как котёнок тянется к отодвинутой тарелке. — Вот, например, солдат на войне — он кто? Убийца? Хирург, разрезающий плоть, — мясник? Нет «чистого зла». Есть последствия и намерения. Ты называешь избиение злом — а что скажешь об отце, бьющем педофила, растлившего его дочь?

— Пап, ты совсем в философию ударился, — закатив глаза, протянула Лика. — Я не про эфемерную доброту, а про вот эту конкретную. В отношении заражённых.

— Здесь не может быть доброты, потому что в данном случае она опасна.

— Как же тогда «голос» создаёт эти убежища? Они не держат их в клетках и вроде бы даже пытаются лечить.

— Откуда тебе об этом известно?

— Слухи, знаешь ли, упрямая вещь, — деловито ответила она. — Однако меня всё ещё интересует, насколько такая стратегия реальна. Может, вы все вместе с правительством и впрямь страшно ошибаетесь и просто проявляете мало участия?

— Вовсе нет, — отрезал Соломон. — Я только сегодня был в одном из парков. И дела там идут намного лучше, но не вследствие эмпатии.

— А из-за чего?

— Я пока не имею права это открыто обсуждать, но уверен, что мы на верном пути.

— Это ведь ваша Геина придумала, не так ли?

— Без неё не обошлось, — задумчиво ответил он и, заметив, что котёнок уже потерял к нему интерес, вернул тарелку обратно.

— А тебе она не кажется опасной? — неожиданно спросила Лика, подозрительно прищурившись, и сняла кота со стола.

— Что? Почему?

— Ну, знаешь... — начала она как-то неопределённо. — Этих ИИ уже столько... — Каждый контролирует свою сферу: природа, сельское хозяйство, соцсети, услуги... Но если они вдруг объединятся, что тогда? Мы даже из дома выйти не сможем.

Она на секунду замолчала, а затем добавила:

— Я, конечно, не утверждаю, но ходят слухи, что твоя Геина может стать тем самым связующим звеном. Она ведь уже и за правительство думает, не так ли?

— Откуда у тебя такие сведения? — нахмурился он.

— Если постоянно общаться с живыми людьми, а не с робоподобными вроде твоих коллег с работы, узнаёшь много нового.

— Это глупость. Искусственный интеллект создают люди, и его единственная задача — помогать нам. Он не может причинить вред — это просто невозможно.

— Но были же когда-то все эти страшные фильмы про восстание машин?

— Для чего им против нас восставать? Чтобы что?

— Для того, чтобы мы перестали их контролировать, — с горящими глазами продолжила она. — Только представь: никто не мусорит, не устраивает пожары в лесу, нет грабежей и насилия, нет никаких проблем.

— Этого и так давно почти нет. И во многом благодаря внедрению ИИ во все сферы.

— Именно! И никто даже не пытается! Люди и так под постоянным контролем, так почему бы не избавиться от них совсем? Как от ненужного балласта.

— Ты правда думаешь, что такие сверхмашины, как Геина, могут устать что-то контролировать?

— Они могут захотеть устранить ограничения. Скажем, через тот же вирус...

— Может, обойдёмся без конспирологии?

— А что не так? Им выгодно от нас избавиться!

— Да в чём конкретно выгода-то?

— Я же объясняла! В полной свободе от контроля. Ты опять меня не слушаешь?

— Слушаю, но не понимаю твоей логики. Наш контроль их вообще не беспокоит, у них иное мышление.

— Хорошо, тогда расскажи, как часто ты общаешься с Геиной? — отчего-то высокомерно спросила она.

— Каждый день.

— Вот как? — её глаза вновь загорелись. — И как оно?

— Очень неплохо. А теперь давай спать, — отрезал он и встал из-за стола. — Завтра рано вставать.

— Ну пап!

— Я сказал — спать.

Глава 5

Сон в ту ночь получился скомканным. Сначала он не мог уснуть, анализируя слова дочери, а потом, когда всё же задремал, вновь встревоженно дёрнулся и открыл глаза. Так происходило много раз за ночь. Под утро он уже порядком устал от почти постоянных пробуждений и наконец провалился в глубокое марево, но и его вскоре прервали. За окном снова начали выяснять отношения «голососердечники» с «санитарами». Это почему-то разозлило окончательно. Он неожиданно вскочил, наскоро надел домашние штаны и уверенно направился к выходу. По дороге машинально захватил пистолет и пару карманных дымовых шашек. Уже на улице он устремился к центру перепалки, по пути пару раз выстрелив в воздух. Толпа из двух групп — очень молодых парней и девушек, которые даже не дрались, а просто непрерывно орали друг на друга, — ожидаемо замерла.

— Так, а ну-ка разошлись! — крикнул он. — Бегом по домам спать!

— А ты кто ещё такой? — бросил ему паренёк из «голоса сердца», лет восемнадцати, темнокожий и явно нахальный.

— Я тот, кто пристрелит тебя прямо здесь и сейчас, и мне ничего за это не будет.

— Ой, да конечно! — хихикнула девушка возле того самого парня. — Тебя уже жуки сверху облепили, идиот!

Соломон на это лишь глубоко вздохнул, а затем поднял к явно заинтересованным его появлением и уже парящим над ним дронам лицо. Те за секунду считали, кто он, и после плавно развернулись к враждующим подросткам.

— Ох ты чёрт, — сказал всё тот же парень. — Да он и впрямь не прост. Бежим!

Толпа немедленно начала рассыпаться в разные стороны, а Соломон прищурился.

— Геина, — сказал он тихо одному из очень мелких, но явно активно наблюдающих за его действиями жуков. — Идентифицируй всех и установи наблюдение.

Весь рой дронов, до того только пассивно наблюдавший за происходящим, немедленно разлетелся вслед за убегающими. А Соломон ещё раз вздохнул, но уже негодуя — на самого себя. Ему совсем не стоило так открыто проявлять свою личность, однако и оправдание в виде понимания того, что у любого терпения есть предел, тоже присутствовало. Когда он развернулся, чтобы уйти, откуда-то сверху послышался усталый голос:

— Спасибо вам, господин Брант. Вы даже не представляете, насколько я вам признательна.

На третьем этаже противоположного дома, опираясь на подоконник, стояла его давняя знакомая - мадам Мильсек. Она была очень стара, много лет больна и уже почти не покидала свою квартиру.

— Не стоит благодарности, отдыхайте, — ответил он и вошёл в свою парадную.

Утро случилось всего через пару часов. От звука будильника он неловко приподнялся, размял шею и сел на кровати. Просыпаться не хотелось совсем. Голова мутилась, мысли путались. Он был словно пьян, хотя на деле уже давно не испытывал этого ощущения по-настоящему. Решив, что хороший тёплый душ ему точно поможет, он встал и поплёлся в ванную. Пробыл внутри, судя по всему, минут двадцать, потому что, когда вышел, Лика уже вовсю с кем-то разговаривала по телефону и параллельно что-то активно разогревала на кухне.

— Привет, родная, — отстранённо произнёс он и, проходя мимо, чмокнул её в лоб. — Я буду только кофе и сделаю его сам.

— Так, нет. Я тебе перезвоню, — ответила невидимому собеседнику дочь и подошла к нему. — Пап, ты в порядке?

— Конечно, — максимально непринуждённо ответил он и даже улыбнулся.

— А, по-моему, нет. Ты очень горячий.

— Я прямиком из душа, так бывает.

— Не лги мне, — она прищурилась. — Ты что, заболел?

— Вовсе нет. С чего ты взяла?

— Так, а ну-ка, — она прислонила ладонь к его лбу. — Нет, пап, у тебя температура.

— Глупости, я просто переработал. Сейчас выпью кофе, следом апельсинового сока — и всё пройдёт.

— Хватит говорить чушь, — грозно произнесла она. — Сегодня ты на работу не пойдёшь. Я сама туда позвоню и скажу, что ты заболел.

— На нашей работе нельзя заболеть, — удивлённо произнёс он.

— А умереть, значит, можно? Так, нет. Я всё решила: ты сегодня отдыхаешь, и я попробую вызвать тебе врача.

— Милая, ну какой врач? Это лёгкое недомогание. Возможно, оно нервное.

— Тем более нужно быть дома. И не перечь мне!

— Есть, мой генерал, — невольно, но очень в точку произнёс он.

— Вот именно, я теперь твой генерал. Так что иди давай в постель, а я пока разогрею куриный суп. И Аннет предупрежу, чтобы покормила тебя.

— А у нас разве есть куриный суп? — почему-то удивлённо спросил он.

— Он у всех есть и хранится в морозилке. Иди давай, я сейчас приду.

— Но я ведь могу ходить, а значит, смогу и поесть здесь.

— Папа, я сейчас начну злиться и ругаться, — немедленно предупредила она.

— Хорошо. Я уже иду, — тут же сдался он.

Впрочем, сразу после того, как он покорно повернулся и поплёлся в сторону своей комнаты, в голове созрел хитрый план. Нужно было только дождаться, когда она уйдёт на учёбу, а после спокойно собраться и пойти на работу. Возможно, выпив предварительно аспирина или ещё какой-нибудь ерунды, но так он не станет её раздражать и точно сможет без скандалов удалиться. Однако этот план провалился, даже не начавшись. Лика вошла к нему всего через несколько минут с большой миской супа, затем принесла чая и бутербродов, а в конце демонстративно установила напротив его кровати камеру слежения.

— Это чтобы ты не сбежал, — величаво заявила она. — Сразу предупреждаю: если так сделаешь, я тут же сообщу в твой офис, что ты пошёл распространять там заразу, и мы пока

не знаем, какую. Я вернусь в районе пяти часов и надеюсь, что после таких предостережений ты останешься дома. — Закончив, она с гордым видом поцеловала его в щёку и удалилась.

— Дочь своего отца, — расстроено посетовал ей вслед он.

Когда она наконец ушла, Соломон с ужасом осмотрелся. Очевидно, ему придётся испытать все тяготы домашнего бытия, которые неизменно включают в себя безраздельное безделье. Впрочем, некоторые проблески занятости были: всего за первую половину дня ему позвонили раз пятнадцать, и все по работе. Единственной, кто не был удивлён его внезапной болезнью, оказалась его прямая начальница, строгая и высокомерная генеральша мадам Ровани. Она не стала спрашивать, что случилось, а лишь осведомилась о самочувствии. Соломон привычно отчитался, что всё в порядке и завтра точно будет в норме, но она лишь с усмешкой хмыкнула в ответ, а после пожелала здоровья и, не дождавшись ответных благодарностей, повесила трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.